

З.Б. Кипкеева

**Российский фактор
в миграциях и расселении
закубанских аулов XIX века**

АРМАВИР-СТАВРОПОЛЬ - 2002

МЕЖДУНАРОДНАЯ АКАДЕМИЯ ИНФОРМАТИЗАЦИИ

КУБАНСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ "РУССКОГО ИСТОРИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА"

АРМАВИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

Практические опыты
исторического реинновирования.
Вып. 30.

З.Б.КИПКЕЕВА

РОССИЙСКИЙ ФАКТОР
В МИГРАЦИЯХ И РАССЕЛЕНИИ
ЗАКУБАНСКИХ АУЛОВ XIX ВЕКА
(территория современной Карачаево-Черкесии)

Под редакцией и с предисловием В.Б.Виноградова

Армавир – Ставрополь
2002

УДК 9 (С18)

ББК 63

К-33

© Армавирский госпединститут г. Ка-
федра регионоведения и специальных
исторических дисциплин.

Кипкеева З.Б. Российский фактор
в миграциях и расселении закубанских
аулов XIX века (территория совре-
менной Карачаево-Черкесии) // Прак-
тические опыты исторического регио-
новедения. - Вып. 30. - Армавир, 2002.
- 32 с.

Данное издание венчает 3-й десяток в известном сериале кавказоведче-
ской научно-педагогической Школы академика, профессора В.Б. Виноградова.
Его автор – вдумчивый ставропольский специалист, кандидат исторических на-
ук Зарема Борисовна Кипкеева – освещает слабоизученную и чрезвычайно
важную в контексте северокавказской истории XIX в. проблему, актуальную
для объективного познания прошлого региона, ставшего органической частью
многонационального Российского государства.

Труд З.Б.Кипкеевой адресуется научной, преподавательской, аспирант-
ско-студенческой и краеведческой общественности, непредвзято интересую-
щейся динамикой формирования полиэтничного населения верховий р. Кубань.

Рецензенты: Н.Н.ВЕЛИКАЯ – доктор исторических наук (г. Армавир);
З.З.ЗИНЕЕВА – кандидат исторических наук (г. Черкесск).

ISBN 5-93750-067-9

К ОСОЗНАНИЮ РЕШАЮЩЕЙ РОЛИ РОССИИ В ЭТНО-ПОЛИТИЧЕСКОМ ОБУСТРОЙСТВЕ ВЕРХОВИЙ КУБАНИ (предисловие редактора)

Серьезные специалисты справедливо отмечают, что в северокавказской историографии конца XX века очевиден явный перекос в сторону демонстрации "модных тем": Кавказской войны и депортаций народов, подразумевающих и так называемое мухаджирство со всеми его последствиями (1). Это отнюдь не означает, что на данном направлении нет вполне заслуженных успехов, исследовательских удач. К числу таковых я отношу, без всякой тени колебаний, кандидатскую диссертацию способного ставропольского историка Заремы Борисовны Кинкеевой, защищенную в 2000 г. (2). Тогда же основное ее содержание было опубликовано в виде обстоятельной, хорошо иллюстрированной монографии "Карачаево-балкарская диаспора в Турции" (3), нашедшей однозначное одобрение, признание в кавказоведении.

Последнее не в малой мере определяется свойствами исследовательского метода автора, которому во всех его численно нарастающих научных публикациях присуща объективность и скрупулезность (скажем даже: строгая достоверность) в анализе не только используемых архивных документов и нарративных описаний, но и обширной научной литературы, результатов собственных отечественных и зарубежных полевых этнографических изысканий.

Этим чертами отмечен и представляемый мною труд, посвященный чрезвычайно актуальному и почти не изученному аспекту региональной истории, многомерно связанному, в частности, и с животрепещущей проблемой переселения большей части кавказцев в границы Султанской Турции.

У меня была возможность высказать свои взгляды и оценки глубинной сущности крайне болезненного и эпохально обусловленного процесса "массового бегства со своей исторической родины тех горских общественных слоев и конкретных лиц, которые не сумели, не смогли прозреть будущее своих народов, сохранившихся и получивших условия для дальнейшего развития именно в составе Российского государства" (4). Вышли из печати работы, развивающие эти подходы (5).

З.Б.Кинкеева, будучи историком строгим и самостоятельным, обозначает, мотивирует и исследует сложную проблему формирования этнического состава основного нынешнего населения Карачаево Черкесской Республики через призму едва ли не впервые устанавливаемых и сводимых воедино событий XIX в. в жизни карачаевцев, казаков, ногайцев, черкесов, абазин, определивших под

эгидой и с прямым (мирным и силовым) участием России "окончательное расселение данных этносов на территории современной КЧР".

Имея определенный опыт реконструкции исторической географии Северо-Западного Кавказа (6), не могу не отметить, что работа З.Б. Кинкеевой беспрецедентна и в этом отношении, наглядно иллюстрируя один из способов развития соответствующей, давно назревшей, устремленности в изучении всего бассейна р. Кубань.

Меньше всего намерен перелагать и комментировать генеральное содержание публикуемого труда. Однако со всей определенностью подчеркну высокую источниковую информированность, чуткость, конкретность автора, его исследовательскую пытливість, а отсюда – основательность, в моем убеждении, главного вывода: "...Только с образованием казачьих станиц и установления российской власти на территории современной КЧР стало возможным и реальным расселение здесь адыгских и абазинских аулов. Очевидно, что формирование этих поселений шло, исходя из нужд обеспечения безопасности новых территорий России и предотвращение мятежей, набегов и вражды между народами".

Добавлю лишь, что перечисленные выше северокавказские этносы, постепенно (рядом или чересполосно) обустраниваемые и обустранивавшиеся на Верхней Кубани, являлись российскими подданными, не пожелавшими в силу тех или иных причин искать свою судьбу в Османской империи, а исторический приоритет среди них мы вправе отдать карачаевцам, как наиболее раннему и стабильному компоненту местной этно-политической панорамы (7). В этом усматривается новый и нестандартный аспект трактовки конкретных фактов и событий, имеющих свою специфику в русле всепоглощающих деклараций о непрерывной "Кавказской войне" как тотального-де российско-горского противостояния.

При том считаю уместным оговорить свое отношение к некоторым картам (а точнее – карто-схемам) XVIII-XIX вв. с весьма вольным обозначением и группировкой местообитания народов за Кубанью. Ими часто пользуются сегодняшние авторы как, якобы, бесспорным доказательством локализации отдельных народов, отчасти подаваемой в виде некоего пространственно протяженного, но исторически нереального этно-политического сообщества (Черкесия).

Как известно, картография – особая отрасль знаний, нуждающаяся в специальных приемах исторической интерпретации с сугубо индивидуальной оценкой каждого привлекаемого образца (8). Полагаю, что скорее всего, упомянутые ситуационные схемы передают обобщенную географическую конфи-

гурацию ареала, чьи этнические массивы были преобладающе опасны для российской кордонной Линии, для чего и назывались обобщающим нарицательным именем. Не случайно на них отсутствуют четко размещенные населенные пункты. Да и сами эти карты, как правило, составлялись не профессиональными картографами (часто даже и не "очевидцами"), но просто с чьих-то слов.

Вот почему свидетельства официальных документов, как и сообщения непосредственных участников конфликтных эпизодов (военных экспедиций) или, к примеру, такого разведчика как Ф.Ф.Торнау (Торнов) для уяснения истинной ситуации намного предпочтительнее.

Именно источники и их анализ в работе З.Б.Кипкеевой вооружают историков важными инструментами для препарирования графического и текстового оформления тех самых карт-схем.

Мне остается представить фотографию, фрагмент которой помещен на лицевой обложке издания. Она – многолюдный (более 30 человек) коллективный "портрет", снятый в мае 1913 г. в ауле Касаевском (современный аул Хабез, КЧР) после скачек по случаю 9-летия со дня рождения царского наследника Алексея). На обратной стороне фотографии (точнее – фотокопии с оригинала) зафиксирована подпись по-русски: "Ордокову Мурзабеку Салиховичу на память от Гатокова Хасана" и перечислены все те, кто запечатлен на снимке.

Фотодокумент выявлен З.Б.Кипкеевой в Ставропольском краеведческом музее им. Г.Н.Прозрителева и Г.К.Праве (9). Он сам по себе являлся редким и ценным источником. Автор счел возможным использовать извлечение из центральной группы позировавших, где по бокам Хочмахо Хамукова сидят: Канамат и Каракасай Касаевы (первый из них – в светлой черкесске) – потомки "окабардинившегося" ногойского владетельного князя Исмаила Касаева – одного из знаменитых деятелей исторического Карачая.

Вот, пожалуй, и все, что считаю необходимым оговорить, предворяя авторский текст, который многих не оставит равнодушным, вызовет, возможно, дискуссию и, наверняка, желание продолжить (в чем-то, вероятно, и уточнить) разработку этого перспективного направления в истории полиэтнического населения бассейна реки Кубань, как и других областей Северного Кавказа.

Безусловно похвально, что решительный исследовательский шаг, сделанный З.Б.Кипкеевой, расширяет горизонты осознания той "российскости", которая определяла движение кубанских народов к общему историко-политическому и культурному единству в судьбе многонационального Российского государства (10).

Примечания:

1. См. об этом: Шеуджен Э.А. Проблемы северокавказской этнографии // Наука о Кавказе: проблемы и перспективы. Материалы I съезда ученых-кавказоведов (27-28 августа 1999 года). – Ставрополь: Изд-во СКАГС. 2000; Великая Н.Н. Кавказоведческая Школа в моей судьбе // Кавказоведческая Школа В.Б.Виноградова: становление, современность, перспективы (материалы к заседанию "круглого стола" в честь 10-летия деятельности в Армавирском госпединституте). – Армавир, 2002.
2. Кипкева З.Б. Карачаево-балкарская диаспора в Турции: историко-культурный аспект. Дисс. ... к.и.н. – Ставрополь: СГУ, 2000.
3. Кипкеева З.Б. Карачаево-балкарская диаспора в Турции. – Ставрополь, 2000. – 184 с.
4. Виноградов Б.В., Виноградов В.Б. "Мухаджирство" в историческом контексте (полемиические заметки) // Проблемы всеобщей истории. Вып. 6. – Армавир, 2000.
5. См., например: Шаова С.Д., Жияев Д.В., Баисова М.В. Горское "мухаджирство" к линейным казакам // Из истории и культуры линейного казачества Северного Кавказа. – Армавир, 2000; Жияев Д.В. О некоторых тенденциях в исследовании проблем "мухаджирства" // Историческое регионоведение Северного Кавказа – вузу и школе. – Ч. 1. – Армавир, 2001; и др.
6. Авраменко А.М., Виноградов В.Б., Какуша О.Н. Историческая география Краснодарского края и Адыгеи (досоветский период): Программа интегрированного курса для школ, гимназий, лицеев и вузов. – Армавир; Краснодар, 1997.
7. Виноградов В.Б. Краткий очерк истории освоения горных районов Приэльбрусья // Природопользование Приэльбрусья. – М.: МГУ, 1992.
8. См., например: Виноградов В.Б., Магомадова Т.С. Первая русская карта Северного Кавказа // Вопросы истории. – 1976. - № 1.
9. Ф. 54. Ед. хр. 8.
10. См.: Российскость: понятие, содержание, историческая реальность (на примере Кавказа). Сборник материалов. – Армавир, 1999; Виноградов В.Б. Российскость как основная концепция регионоведения Северного Кавказа // Вестник Армавирского госпединститута. – 2001. - № 1; "Российскость" в истории Северного Кавказа // Вопросы Северокавказской истории: Сборник научных статей. Вып. 7. – Армавир, 2002 (в печати).

В.Б.ВИНОГРАДОВ, зав. кафедрой РСИД
АГПИ, доктор исторических наук, профессор,
академик-руководитель научной школы МАН,
академик МАИ, заслуженный деятель науки
Российской Федерации, Кубани и Чечено-
Ингушской АССР.

13 января 2002 года.

РОССИЙСКИЙ ФАКТОР В МИГРАЦИЯХ И РАССЕЛЕНИИ ЗАКУБАНСКИХ АУЛОВ XIX В. (территория современной Карачаево-Черкесии)

Карачаево-Черкесия объединила несколько различных этносов в единое административное образование в 1922 году. Тогда в состав новой автономной области вошли территории, населённые карачаевцами, казаками, ногайцами, черкесами и абазинами. Объединение это не было случайным или искусственным, так как окончательное расселение данных этносов на территории современной КЧР произошло в середине XIX века.

Обширные археологические памятники и древние письменные источники свидетельствуют, что Центральный Кавказ был довольно густонаселённым с древности до позднего средневековья. Горные перевалы были важными стратегическими пунктами Великого Шелкового пути, по которому средневековые караваны везли товары, прежде всего китайский шёлк из Азии в Византию. Нашествие орд Чингисхана, а затем Тимура опустошили некогда цветущий край. Частые эпидемии чумы и холеры сгоняли с обжитых территорий уцелевшие осколки некогда могущественных государств. Междоусобицы обособившихся многочисленных княжеств – бийликов и набеги перекочевавших сюда причерноморских племён определяли этническую картину и расселение их в предгорьях Северного Кавказа. До падения Крымского ханства почти вся территория от Азовского моря до Кабарды считалась в подданстве дома Гиреев. С присоединением Крыма к России формально все земли Предкавказья и правой стороны Кубани отошли к Российской империи.

Адыгские и ногайские племена были хорошо известны российским политикам. Они были данниками Крымского ханства, с которым Россию связывали многовековые военно-политические отношения. Кроме того, в середине XVI в. кабардинские князья через своих родственников – ногайских мурз вышли на прямой контакт с русским царём Иваном Грозным и просили принять их в российское подданство. В результате началась постепенная экспансия русских на Северный Кавказ. Контакты с адыгами, которых русские называли по-турецки черкесами, продолжались и в последующие периоды, но только в конце XVIII в. они стали преобладающе воинственными.

Военная колонизация Северного Кавказа в начале XIX в. повлекла за собой миграции ногайских, адыгских и абазинских народов, переселение и укрупнение аулов, закрепление различных этносов на определённой местности. Эти племена вели полукочевой образ жизни, они легко снимались с одного мес-

та и переходили на другое. Отсутствие частной собственности на землю и единой верховной власти способствовало постоянным перемещениям. Это обстоятельство отмечали многие исследователи и бытописатели того времени. Например, в конце XVIII в. Ян Потоцкий писал: «Жилища черкесов не являются в полном смысле этого слова домами; это скорее большие корзины, сделанные из тщательно переплетённых прутьев, сверху обмазанных глиной и покрытых камышовой крышей. Такая деревня остаётся на одном месте не более 4-5 лет. Затем князья ссорятся со своими соседями, или возникают новые связи, и тогда они отправляются на новое место, так как земля принадлежит здесь всей нации в целом...» (23, с.233). В начале XIX в. немецкий учёный Клапрот, перечисляя аулы в Кабарде, отмечал: «Приведенные названия деревень так же непостоянны, как их положение, названия даются обычно по имени главной семьи, которая владеет деревней, а чаще они названы по особым именам самого старшего из узденей, после смерти которого деревня называется по имени его наследника. Положение деревни еще более непостоянно, так как через несколько лет, по мере того, как истощаются поля и вырубают леса, деревни переносятся на другое место» (22, с.277).

Можно сказать, что адыгские аулы, как и ногойские, - это скорее общества, подвластные определённой княжеской фамилии, но не конкретное поселение на строго указанной территории, так как образ жизни предполагал постоянное перемещение обществ по воле князя или мурзы. Постоянные миграции данных народов были серьёзнейшим фактором противодействия укреплению среди них российской администрации. Методы борьбы с перемещениями аулов были самые различные. Российские власти даже пытались содействовать распространению у адыгов саманных хат, надеясь, что это устранил «наклонность к частым переменам места жительства при малейших к тому поводах». Но только после окончания Кавказской войны и расселения возле казачьих станиц аулы закубанских народов приобрели постоянное местоположение. В отчёте по военно-народным управлениям Кубанской области за 1863-1869гг. уже констатировалось, что «удалось довести массу горского населения до сознания неудобств их жизни, имевших (за исключением Карачая) временный характер» (3, с.539).

Если сведений об адыгских и ногойских племенах в письменных источниках немало, то вот Карачай даже в начале XIX в. оставался для России малоизведанной и недоступной территорией. Сведения об этом высокогорном народе были очень скудными, поступали они, главным образом, от соседних народов и были противоречивыми, мало соответствующими действительности. Ка-

рачаевцы не привлекали к себе повышенного внимания военных властей, их территория считалась ареалом относительного благополучия на фоне постоянных набегов на русские поселения Кавказской пограничной линии со стороны других северокавказских обществ. «Карачаевцы - племя это добронравнее других горских народов», - доносил с Кавказа главнокомандующий граф И.В. Гудович Екатерине II (26, с.389). Но ситуация изменилась в 20-х годах XIX в.

К этому времени стало очевидно, что в горных ущельях Карачая и за Кубанью, формально бывшими территорией Османской империи до русско-турецкой войны 1828-1829гг., находили убежище все враждебные России группировки. Оттуда они совершали свои набеги и «хищничества» на казачьи станицы, на аулы и коши «мирных» горцев, угоняли скот и людей. Некоторые кабардинские князья, недовольные жёсткой политикой военных властей, направленной на распространение российских законов на территории Кабарды, переселялись за Кубань со своими подданными. Кроме того, к ним в неприступные горы с р. Кумы абазинские и ногайские феодалы уводили целые общества (1, с.973).

Первые упоминания о «беглых кабардинцах» приходятся на 1804-1806гг., когда российские власти стали перед проблемой массового бегства горцев за Кубань, т.е. территорию, неподвластную на тот момент России. С целью обследовать пути передвижения беглых кабардинцев из Кабарды в Карачай и перекрыть казачьими постами и караулами все броды на Кубани, в 1805 г. в укрепление Баталпашинское был послан пристав Кабарды ген. Дельпоцо.

К этому времени обычные равнинные пути сообщения закубанских адыгов и ногайцев с Кабардой уже были заняты казачьими постами. А на Кубани дорогу в район Кавказских Минеральных вод по р. Джегуте перекрыло укрепление Баталпашинское: «От Тохтамыша до р. Жаканес (Джеганас – З.К.) 7 вёрст, а от неё до р. Жегуты (Джегуты – З.К.) 2 версты, - всего 9 вёрст; по сей речке простирается вверх между высоких гор ущельем дорога, лежащая в Кабарду» (1, с.972). По этой дороге пытался пробраться в Кабарду турецкий военачальник Батал-паша в 1790 году. Есть свидетельство, что дорогу туркам показали кабардинцы. В 1789 г. Батал-паша написал о предпринимаемом походе в Кабарду кабардинским владельцам и узденям и просил владельцев Малой Кабарды Тетуруко и Тау-Солтана: «Постарайтесь изыскать удобное средство о способной нам дороге и о предприятии и доставьте ко мне точное о том известие, то не останетесь без сугубого воздаяния» (26, с.428). Как известно, поход был неудачным, турецкие войска были разбиты русскими отрядами ген. Герма-

на. А в память об этом событии построенное здесь укрепление было названо Баталпашинским.

Переходы выше Баталпашинского поста по территории Карачая не были исследованы. Между тем, вопрос о подданстве карачаевцев становился всё более актуальным, так как беглые кабардинцы продолжали грабить станицы и хутора на Кавказской Линии, протянувшейся от Азова до Моздока. И дорогу они находили через Карачай.

Из рапорта ген. Дельпоцо видно, что сведения о переправах на Кубани и дороге к карачаевцам он получил от владельца ногойского аула на р. Джегуте, «вышедшим из-за Кубани нынешнюю весною, к России много преданным и от всех закубанских народов по своей храбрости и остроте разума многоуважаемым ногойским мурзою Росланбеком Тагановым (Тугановым – З.К.), племянником покойного ген.-м. Таганова» (1, с.971). Начиная с подвластных Туганова, принцип расселения ногойских, абазинских и адыгских мирных аулов возле казачьих укреплений и станиц Кавказской оборонительной линии оставался непреложным до окончательного покорения закубанцев.

От укр. Баталпашинского (совр. Черкесск) до Каменного моста (вблизи совр. Карачаевска – З.К.) по Кубани оказалось 6 переправ, которыми пользовались беглецы из Кабарды. Ген. Дельпоцо докладывал: «В 1804 году абазинцы уже 3, а ногойцы первый раз бежали за Кубань, ... владелец, бывший Российских войск полк. Рослам-бек Мисостов бежал за Кубань и увёл с собою кабардинских узденей и чёрного народа 275 семей» (1, с.973).

Карачай оставался единственной территорией между Кабардой и закубанскими горами, неконтролируемой русскими, и поэтому беглые кабардинцы беспрепятственно переходили здесь через Кубань и уходили к бесленеевцам к устью Лабы. «Вследствие значительного удаления казачьих поселений, верхняя часть Кубанской границы, от устьев р. Урупа и далее вверх по Кубани, более всего подвергалась прорыву и набегам хищнических партий горцев, благодаря постоянному мелководью Кубани, допускавшему переправу вброд во всякое время года, кроме весеннего половодья», - писал исследователь истории Хопёрского войска Толстов (13, с.126).

Для предотвращения бегства горцев за Кубань российские власти решили построить крепость у Каменного моста, «в целях обуздания и приведения в совершенную покорность кабардинцев» (1, с.971), кроме того, «границу р. Кубань до Каменного моста занять нашими крепостями, ... а от Каменного моста можно употреблять ещё далее вверх по Кубани, к карачаевцам» (1, с.974).

Обоснованием для занятия русскими крепостями верховий Кубани указывалось то обстоятельство, что «кабардинцы похищают людей и отвозят через Каменный мост в Анапу для продажи туркам. На всех этих переправах кабардинцы, абазинцы и ногайцы имеют с закубанцами беспрепятственную коммерцию захваченными русскими людьми и похищенным скотом» (1, с.973), и «неустроенность границы по Кубани обернулась постоянными набегами горцев» (6, с. 143). Особенно часто они стали нападать на станицы и мирные аулы в 1806г., во время русско-турецкой войны, когда «турецкие эмиссары с особенной энергией старались восстановить своих единоверцев против русских» (6, с.143.).

До русско-турецкой войны 1828-1829гг. земли по левую сторону Кубани оставались во власти Османской империи. Но турки не обращали внимания на набеги и разбои закубанцев, так как не могли повлиять ни каким образом на образ жизни своих формальных подданных. Русские так же ходили за Кубань, «отбивали стада хищников, разоряли их аулы, - но земель не могли присоединить, - земля принадлежала Турции» (6, с.171). Карательные акции царских властей неизменно влекли за собой массовые переселения кабардинских аулов за Кубань, т.е., в конечном счёте, в пределы Османской империи. Современник этих событий Хан-Гирей считал, что за эти два года из Кабарды ушло 12 400 человек, и «...часть беглых кабардинцев уже уехала в Турцию и Египет» (2, с.с.178, 204).

Вторая волна бегства кабардинцев за Кубань, на территорию Турции, была связана с военной экспедицией ген. Ермолова в Кабарду весной 1822 г. О цели её генерал сообщил в своём рапорте от 29 апреля 1822 г.: «Кабардинцы делают большие пакости по наущению закубанцев, которые партиями приходят им в помощь, нападают на линию. Я намерен порядочно проучить их» (2, с.107). Жёсткая политика ген. Ермолова, который требовал безусловной покорности и переселения кабардинцев на плоскость, вынудила бежать из Кабарды десятки княжеских семейств, уводивших насильно своих подвластных.

Бежавшие от ген. Ермолова кабардинцы переселялись за Кубань, «к закубанским адыгам – бесленеевцам» (2, с.113). Бесленеевцы в начале 19в. находились в самом юго-восточном районе расселения адыгов, «границили на северо-западе на р.Ходзь с махосевцами, на юго-западе огибали земли баракаевцев (абазин) и отсюда распространились их земли на восток до р. Урун» (3, с. 272). Нахождение в 1807–1808 гг. на «верхней Лабе» 1500 семей бесленеевцев указал посетивший Северный Кавказ иностранный исследователь Клапрот. Очевидно, что под «верхней Лабой» он подразумевал Большую Лабу, в отличие

от Малой Лабы. Клапрот отметил также, что «скот они держат зимой около своих жилищ у Лабы, за плетёнными изгородями; осенью и весной скот выгоняют на пастбища у Урупа и у солёного ручья Касма (совр. село Касьминка, Ставропольский край. – З.К.), который впадает в реку Кубань... Предводители бесленеевцев совершают набеги вместе с кабардинцами и живущими на русской стороне ногойцами, с которыми они делят добычу. Пленных русских они продают дальше в горы и только детей оставляют себе... Их горы недоступны; они живут в вечной вражде с другими горцами, которые часто крадут у них людей, а также быков и другой скот ... Бесленеевцы живут в добрососедских отношениях с более отдалёнными темиргойцами, мухощами, ногойцами, переселившимися с Инджика (р.Зеленчук. – З.К.) к ним на Ходзь, также как и с Науруз-аулом. Они имеют общение также с теми, которые находятся на русской стороне» (22, с.236). На долгие годы эта местность на территории современного Краснодарского края стала «очагом напряжённости» во взаимоотношениях закубанцев с русскими. Ген. Эмануэль отмечал, что «наиболее вредное влияние на горцев производили кабардинцы, бежавшие в разное время за Кубань» (4, с.134).

Когда в 1827 г. началась русско-турецкая война, российские войска открыто вступили в закубанские земли, как на воюющую территорию, не опасаясь уже политических осложнений с Османской империей. Турки не предприняли никаких шагов для защиты горцев, а они, впрочем, и не рассчитывали на серьёзную помощь. Одно за другим закубанские племена приносили присягу на верность России. Но, как показали дальнейшие события, верности присяге не соблюдали. Постоянные набеги и воровство людей и скота на российской стороне Кубани, вынудили ген. Эмануэля в ноябре 1828 г. разорить за разбой и хищничества несколько их аулов, принадлежавших князю Кучуку Аджи-Гирееву и другим беглым кабардинцам. После этого, самые знатные из них Росланбек Бесленеев и Аджи-бек Хамурзин явились 15 марта 1829 г. в Ставрополь к Эмануэлю с просьбой о прощении и разрешении поселиться им между мирными закубанскими аулами. Они обещали собрать всех беглых кабардинцев за Кубанью и возвратиться с ними в Кабарду. Эмануэль предлагал поселить их на левом берегу Кубани, полагая, что «всё равно, за Кубанью или в Кабарде иметь в них подданных Государю Императору» (4, с.134).

Однако главнокомандующий на Кавказе граф Паскевич «не признал возможным уважить просьбу кабардинских князей, и считал, что подобное снисхождение до некоторой степени ослабит наше влияние над горскими племенами, породит несогласие между кабардинцами и преданными нам закубанцами».

Кроме того, он считал «несогласным с достоинством русского имени входить в соглашения с какими-то беглыми кабардинцами, а чтобы не давать горцам даже повода думать, что они могут заключать с нами какие-либо условия, кроме совершенной покорности, предлагал Эмануэлю требовать, чтобы кабардинцы возвратились в Кабарду и поселились между рр. Терек и Баксаном, позади наших укреплений, а отнюдь не в горах» (4, с.135).

Возвратить в Кабарду всех беглых кабардинцев оказалось невозможным, так как их земли были заняты уже под казачьи поселения или присвоены одним из кабардинских князей полковником царской армии Атажукиным (7, сс.76-80). Решение вопроса о беглых кабардинцах было отложено до возведения Новой (Лабинской) линии из казачьих укреплений и станиц. Укрепление Баталпашинское служило слабым щитом от набегов горцев.

Особенно шумевшим был набег темиргоевского князя Джембулата в июне 1828г. Он собрал совещание закубанцев у верховий Урупа, на котором было принято решение «сравнять с землёй все ногайские аулы, сидевшие на Кубани, а жителей выселить в горы, и таким образом обнажить всю Кубанскую линию, оставив её при одних станицах и казачьих постах» (20, с.293). Ногайские аулы между Урупом и Зеленчуком заслонил отряд ген. Антропова. Джембулат с 2000 всадников изменил направление в верховья Кубани. От Баталпашинского укрепления они направились к Каменному мосту на Малке «с целью поднять восстание в Кабарде» (20, с.295). Перейдя р. Подкумок в окрестностях Георгиевска, закубанцы истребили село Незлобное. (4, с.126; 20, с.298). Только здесь закубанцы были остановлены русскими войсками. Не достигнув Кабарды, они бежали назад, за Кубань, через Баксанское ущелье в Большой Карачай (20, с.302.).

Поход Джембулата укрепил Эмануэля в намерении провести военную экспедицию в верховья Кубани и привести в российское подданство карачаевцев. Гарантию обеспечения мира и покорности за Кубанью российские власти видели в непрерывной цепи казачьих поселений до Карачая, который всё ещё оставался независимым, надеясь на неприступность своих древних аулов под Эльбрусом. Военный поход в Карачай представлялся неизбежным.

В 1828 г. военная экспедиция Командующего войсками Кавказской Линии и Черномории ген.Эмануэля в Карачай окончилась покорением жителей самой высокогорной области Северного Кавказа. Генерал рапортовал военному министру: «Фермопилы (ущелье в Греции, в котором в 480г. до н.э. спартанцы задержали продвижение персидских войск. – З. К.) Северного Кавказа взяты нашими войсками, и оплот Карачаева у подошвы Эльбруса для всех горских

народов, враждебных для России, разрушен, победа покрыла новою славою российское воинство, в сем деле участвовавшее... Пример покорения сего народа, почитавшегося у всех горских жителей самым непобедимым, даёт прочим подумать о возможности повторить с ними таковое же происшествие, и для того сие дело есть во всех отношениях самый большой шаг к покорению всех племён Кавказа...бесленевцев, баракаевцев, абадзехов и др.» (5).

Покорение Карачая дало России возможность укрепить свой тыл в верховьях Кубани и приступить к возведению казачьих станиц вплоть до западных отрогов Главного Кавказского хребта, за которым укрывались абхазо-абазинские племена. Там же часто находили убежище беглые кабардинцы и бесленевцы после набегов и грабежей.

Заселение Кубани казаками шло интенсивно, и к 1828 году хонёрцы разместились в новых станицах, возникших на месте укреплений: Баталпашинской, Невинномысской, Барсуковской, Карантинной, Беломечетской. Кочевья здешних ногайцев сокращались, и они были вынуждены переходить на оседлый образ жизни. Возле новых казачьих станиц заселялись общества, присягнувшие на верность России, так называемые «мирные горцы». В числе первых это были ногайские аулы.

Остатки некогда могущественной Ногайской Орды после падения Крымского ханства в 1783 г. целенаправленно сгонялись со своих кочевий от устья Кубани и до её верховий. В 1804 г. гр. Кочубей докладывал кн. Цицианову: «...находящиеся около Кубани народы, быв поощряемы нередко с Турецкой стороны, наводили беспокойства, то в предохранение от них наших владений сделана Линия по Тереку на расстоянии 260 вёрст, кончавшаяся крепостью Моздоком. Сии беспокойства причиняли татары разных племён, кочующие между Кубанью и Доном. Для содержания против них караула переселены в 1770 году Волжские и Донские казаки числом до 850 семей» (1, с.958).

Ногайцы к началу XIX в. сохранились небольшими этническими островками в различных частях своих бывших кочевий на Северном Кавказе. Скрывшиеся от карательных экспедиций ген. Суворова кубанские ногайцы вплоть до возведения Лабинской Линии кочевали вдоль Средней Кубани и в долинах при впадении в Кубань Урупа, Зеленчуков и Лабы. В ходе строительства Кавказской Линии ногайские аулы укрупнялись и располагались всё ближе к горам.

В 1828г. ген. Вельяминов заявил, что покорение горцев возможно, лишь заняв казачьими поселениями все места, изобилующие пастбищами: «Значительнейшее в сем отношении пространство находится между верхнею частью Кубани и Лабою. Оно мало заселено. На левом берегу Кубани от Беломечет-

ской до Барсуковской станицы находится несколько покорных ногайских аулов; от Прочного Окопа (возле совр. Армавира – З.К.) до Усть-Лабы по тому же берегу находится также несколько аулов, в коих живут и ногайцы, и темиргоевцы и др. поколений люди» (15, с.67).

Планы российских властей «заячьих хищников в горы, а земли оставить не заселёнными», первыми коснулись ногайцев. Исследователь Ковалевский писал: «Отряд Якубовича превратил в пустыню всё пространство обоих Зеленчуков от Лабы до Кубани и набеги хищников теперь стали затруднительнее» (6, с.171). Очень скоро владельцы согнанных с мест аулов стали присягать на верность России. «Ногайские султаны и мурзы во главе с Саломани-Гиреем изъявили согласие поселиться на Кубани и защищать русские границы от набегов хищников» (6, с. 171). В 30-е годы XIX в. ногайские татары были поселены русским правительством на левом берегу Кубани от ст.Баталпашинской вниз до устья Лабы (25, с. 105).

Конкретные сведения о ногайцах в 1835 году даёт российский разведчик Торнау, спасённый из двухлетнего плена у беглых кабардинцев ногайским князем Карамурзиным: «Науруз-аул составляет 650 ногайских семей Аккерманской орды, которые живут на нижней Лабе, против крепостей Кавказской и Усть-Лабинской; они родственны наурузам, которые находятся на нашей стороне. Их наиболее знатные князья – Кара-мурза, Ибаш-оглы, Багатыр-шах, Касай-оглы, Рослан-бек, Ахмат-оглы и Кемлик-хаджи. Они большие разбойники и храбрцом у них считается Аслан-Гирей Урус-оглы. Их пастбища находятся по обоим сторонам Лабы, где они держат свой скот в загородках. Осенью и весной гонят свой скот на Челмник или Челбок (р. Чамлык, совр. Краснодарский край. – З.К.) (25, с.237). Аул Карамурзиных, принадлежавших к числу самых богатых и знатных ногайских князей, располагался на правом берегу Кубани, ниже Невинномыска, «70 вёрст выше Прочного окопа» (25, с.114).

На территорию современной Карачаево-Черкесии, между укреплениями Хумаринским и Джегутинским по рекам Тохтамыш, Джеганас, Джегута поселили аулы князей Карамурзина, Ахлова, Туганова. Севернее этой группы, по левобережью Кубани и по обоим берегам Малого Зеленчука жили мансуровцы (8, с.364). Аулы этих ногайцев являются самыми северными селениями современной КЧР.

Таким образом, только дальновидность ногайских владетельных князей, приведших свои аулы к покорности России, позволила сохранить этническому единству маленького осколка древнего самобытного народа. Другие части

народа осели в Ставропольском крае, в Прикаспии, на Волге, в Крыму. Большая часть Ногайской Орды переселилась в Турцию.

Разделёнными оказались и адыгские народы, часть которых – беглые кабардинцы и бесленеевцы – были заселены после строительства Лабинской и Зеленчукской линий в 19в. в Верхне-Кубанском округе, в границах нынешней Карачаево-Черкесии.

После того, как в 1783г границей Российской империи стала р.Кубань, цепь казачьих укреплений и станиц по Кубани и Тереку получила название Кавказской Линии (3, с. 241). Народы за Кавказской Линией формально именовались закубанцами, и вся территория между Кубанью и Чёрным морем до 1829г. считалась враждебной. В середине XIX в., после возведения казачьих поселений Лабинской Линии, система постов и укреплений Кавказской линии выдвигается к предгорьям Кавказского хребта. Началось строительство и заселение станиц по р. Белой. Несение службы от устья Кубани до впадения в неё Большой Лабы было поручено поселённому на правобережье Кубани Черноморскому казачьему войску. Этот участок получил название Черноморской кордонной линии. «Далее, до Карачая, располагалась Кубанская линия, охраняемая армейскими регулярными частями и линейными казаками. Именно эти рубежи стали ареной постоянных кровопролитных столкновений после того, как прикубанские и донские степи стали для горцев недосыгаемы» (3, с.241).

По мере продвижения российских войск, часть адыгского населения переселялась всё ближе к горам, пытаясь укрыться от соседства с русскими. Непокорные горцы, укрывшиеся в верховьях Урупа, у северо-западных отрогов Скалистого хребта, на долгие годы были обречены на «хищнический» образ жизни, не имея постоянных поселений и средств к существованию. Постройкой долговременных казачьих поселений «закрывался» выход с гор. Кроме того, по словам ген. Вельяминова, достигалась главная цель: «Окрестность Минеральных вод обеспечится, и все благосостояние карачаевцев будет в руках наших; Кавказская Линия избавится от сильных набегов населения. Решительное покорение закубанских народов, живущих между Лабою и берегом Чёрного моря, значительно облегчится» (15, с.77).

В 1829 г. были образованы Зеленчукская укрепленная линия по течению р. Большого Зеленчука, а в конце 1830-х годов – Лабинская кордонная линия. «Прямым следствием которых стало, как отмечал генерал К.Ф.Сталь, «покорение абазин, беглых кабардинцев и бесленеевцев» (20, с.124). Видный кавказовед акад. Виноградов пишет: «С этого времени начался роковой разлом в судьбе этих народов. Большая их часть, не желая подчиниться, признать поражение,

отступала всё дальше к Чёрному морю, чтобы потом по логике непримиримой борьбы и ослеплённости враждой переселиться в «единоверную Турцию», потеряв свою историческую родину. Меньшинство избрало другой путь: стало сосредотачиваться в верховьях Кубани, где бесленеевцы и кабардинцы всё теснее смешивались друг с другом, постепенно теряя грань и так не слишком уж значительных различий друг с другом. Так на территории Карачаево-Черкесии возникла россыпь кабардино-бесленеевских аулов, а на юге теперешнего Краснодарского края пустили свои корни крупные аулы,... два из которых до сих пор сохранили адыгское население в Успенском районе» (20, с.124).

Нисколько не преуменьшая бедствия, которые претерпели адыги в ходе Кавказской войны, вместе с тем нельзя не признавать следующего очевидного факта: позитивную роль российского фактора в образовании адыгских аулов в долинах Кубани и Зеленчуков. Возможность образования этих аулов и наделения их землёй появилась у российской администрации только после строительства Зеленчукской и Лабинской линий из казачьих постов и поселений. Именно они служили гарантией не только безопасности русских границ, но и мирного соседства различных горских народов.

История миграций и расселения бесленеевцев и беглых кабардинцев за Кубанью, в основном, на территории современной Карачаево-Черкесии, непосредственно связана с усилением российской административной власти.

В начале XIX в. для управления коренными народами верховьев Кубани и ее притоков были образованы два округа и четыре приставства: на территории современной КЧР Тохтамышевское и Карачаевское, входившие в Верхне-Кубанский округ, а на территории современного Краснодарского края приставства Закубанских ногайцев и Нижне-Прикубанское, входившее в Лабинский округ (8, с.365).

В 1839-1840гг., после постройки Зеленчукской линии, решился вопрос о насильственном расселении беглых кабардинцев между Зеленчуками. Было решено разместить их между передовой Линией новых казачьих укреплений и Кубанью. В результате, «переселение беглых кабардинцев на плоскость состоялось в 1837 году, до того же времени они продолжали заниматься хищническими набегами» (4, с.135). Но так как переселение было принудительным, то «горцы, через лес, в страшном беспорядке, бежали к дальним высотам» (9, с. 16). Русские же решительно были настроены расселить закубанцев вблизи казачьих станиц, под постоянный надзор. Поэтому для водворения беглых кабардинцев на постоянное местожительство были предприняты военные экспедиции в Псеменский лес, где они обычно укрывались и готовились к набегам.

В феврале 1851 г. на Лабе был собран главный отряд под командованием ген. Евдокимова и вспомогательный отряд под командованием пристава тохтамышевских аулов и закубанских кабардинцев подполковника Соколова из 200 человек абазинской, тохтамышевской и кабардинской милиции и 400 казаков. «Подполковник Соколов, пригласив с собой 60 человек карачаевцев, прибывших в Усть-Джегуту для решения некоторых спорных вопросов с тохтамышевцами, выступил в ночь на 5 февраля с Большого Зеленчука» (9, с.60). Они прошли до самых северо-западных границ современной Карачаево-Черкесии и только между Псеменским лесом и Ахметовским укреплением обнаружили три зимовника (коша – З.К.): тамовский, кизилбековский и беглых кабардинцев (9, с.60). Зимовники были преданы огню, скот угнан. Разрушив высокогорные убежища закубанцев, «колонна прибыла в Ахметовское укрепление, а 7-го возвратилась на Б.Зеленчук» (9, с.61).

Таким образом, русские всё-таки заставили беглых кабардинцев покинуть свои убежища в верховьях Лабы и поселиться на Зеленчуках, между казачьими станицами. Но буквально через несколько месяцев они сбежали оттуда с набом Шамиля Мухамет-Амином, о чём будет сказано ниже.

Эти так называемые «беглые кабардинцы» вместе с частью уцелевших бесленеевцев и составляют сегодня ту этническую группу адыгов Карачаево-Черкесии, которая известна под названием «черкесы». А в Адыгее потомками этих кабардинцев заселены аулы: Кошехабль, Уляп, Блечесин, Ходзь (2, с.113).

Современное адыгское население КЧР это не только беглые кабардинцы, но часть бесленеевцев, согнанных со своих мест при строительстве Лабинской Линии (на территории современного Краснодарского края). Подробности о местоположении этого племени, бывшего в подданстве князей Кануковых, происходивших от ханского крымского рода Гиреев (27, с. 38), и о причинах переселения с левого берега Лабы в горы, а затем в долины рр. Зеленчуков можно найти у участников и очевидцев постройки Лабинской Линии, в рапортах и доносениях офицеров, принимавших участие в карательных экспедициях против «хищников».

После покорения Карачая ген. Эмануэль признал недостаточным иметь только оборонительную линию по р. Кубани, и в конце 1828 представил план устройства укреплений между рр. Кубанью и Белой и дальнейших действий против закубанцев: «С подчинением нашей власти карачаевцев и багшибаевцев, линия по р. Кубани от самого Эльбруса до Каменного моста вполне обеспечивалась от хищнических набегов горцев, далее же вниз по течению участка

её на 40 вёрст до горы Учкуль, возвышавшейся в 6 верстах от крепости Усть-Джегуты, остаются незащищёнными и открытыми для прорыва закубанцев» (4, с.121).

Эмануэль предлагал укрепить Линию по Кубани между Баталпашинском (совр. Черкесск) и Прочным Окопом (совр. Армавир), так как закубанские племена, обитавшие между рр.Ходзь и Белой, для своих вторжений в российские пределы обычно собирались на р.Ходзь, следовали к устью Лабы, переправлялись там вброд и располагались на урочище Каладж: «По своему местоположению в узле ущелий рр. Б. и М. Лабы, урочище это всегда служило сборным пунктом горцев, откуда они производили свои вторжения в Кавказскую область между Прочным Окопом и Баталпашинском» (4, с.122).

Главной целью Эмануэля было укрепление Линии и постройка крепости, чтобы «упрочить нашу власть среди бесленеевцев и других закубанских народов, присягнувших на подданство России, а также прикрыть нашу границу и обеспечить преданные нам племена от наиболее непокорных горцев» (4, с.122). Главнокомандующий на Кавказе гр. Паскевич требовал от Эмануэля более решительных наступательных действий за Кубанью. Поэтому была проведена военная экспедиция в поисках бесленеевцев, грабивших мирных ногайцев. Искали их в верховьях Б. Лабы, у абазинских племён-шкарауа, которые также были подвластными князей Кануковых и Шалоховых, как и бесленеевцы (4, с.138). «Отряды Антропова, затем Эмануэля ходили до горы Ахмет, вызывая бесленеевских князей явиться с покорностью. Но никого не нашли»(4, с.125). Бесленеевцы скрывались за р.Лабой. Оттуда они доходили до укр. Баталпашинского, нападали на русские селения, уводили в плен людей.

Эмануэль писал Паскевичу: «Люка мы не будем иметь укреплений на р. Лабе, до тех пор невозможно полагаться на прочность закубанских приобретений наших» (4, с.133). По настоянию ген. Эмануэля начинают строиться посты на Лабинской Линии. Бесленеевцы присягают на верность России, но часть наиболее воинственных бесленеевцев сразу же покидает свои жилища и перемещается на р. Белую.

В 30-х годах XIX в. войска, расположенные на правом фланге Кавказской Линии и в Кавказской области, занимались исключительно охранением границ от «закубанских хищников». Адыгские народы были вынуждены продолжать жизнь таковых из-за временного, непостоянного характера своих поселений, безземелья, голода. Главная причина их бедственного положения и постоянной угрозы, которую они представляли для соседних народов, была в полной общественно-политической дезорганизации. И происходило это, прежде всего, из-за

отсутствия национальных лидеров, которые могли бы отвечать за благополучие своих обществ и чётко ориентироваться в военно-политических реалиях русско-турецкого противостояния на Кавказе.

В 1841г., после переноса Кубанской кордонной линии на р. Лабу, началось устройство Лабинской (Новой) линии. Пролегла она по землям, где к тому времени обосновались ногайцы и бесленеевцы. Поэтому для безопасного заселения русского населения план ген. Барятинского и графа Евдокимова предусматривал вытеснение аулов с занимаемых ими земель (17, с.72).

В 1842г. бесленеевцы были вынуждены скрыться в лесах, но набегов и угона скота и пленников не прекращали. Собирались они для нападений на р.Фарс: «Горцы собираются на р. Фарс и Псефарь для вгorgжения в наши пределы, не опасаясь за свои аулы, которые могли быть разорены нами, потому что все семейства и стада уже были скрыты в лесах» (10, с.450). Так, в ноябре 1842г. бесленеевцы напали на ст. Темнолесскую и «увлекли в плен до 100 детей и женщин» (10, с.452). С целью наказать за разбой в казачьих станицах и вернуть угнанных людей, ген. Безобразов с отрядом отправился в поиски бесленеевцев. Он прошёл «до Чамлыка, Урупа, до устья Большого Тегеня, следов хищника не было. Оставив у Султановского аула батальон, прошёл Уруп, осмотрел местность до верхнего течения Кубани и устья Б.Зеленчука – никого нег. Кавалерия прошла пространство в 35 вёрст, отделяющих Уруп от того места, где Казьма втекает в ущелье, ведущее к Кубани». По всей линии Николаевская – Барсуковская - х. Темнолесский – Невинный мыс следов бесленеевцев отыскать не удалось. Они «скрылись за Зеленчуком» (10, с.452).

Вскоре их поселения были обнаружены на пригоках Урупа – Б. и М. Тегинь. Как указано в «Обзоре Кубанской области за 1851год»: «Вдоль верховьев рек Большого и Малого Тегеней (р. Тегинь – З. К.), ниже ущелья Кувы расположились аулы бесленеевцев, ушедших с Лабинской Линии в 1842г.» (9, с.62). Несмотря на то, что русские власти разрешили им возвратиться на старые места в нижнем течении Урупа с условием безусловной покорности, они продолжали нападать на казачьи укрепления и угонять людей и скот. Кроме того, они вступили в связь с имамом Мухаметом-Амином, посланным Шамилём к закубанским народам для возмущения их против России (12, с.259).

Российские власти видели теперь в бесленеевцах пособников Мухамет-Амина: «К сожалению, своею неблагонамеренностью и своим двуличным поведением они не оправдали милостей правительства: во-первых, они давали у себя пристанище партиям абреков, от которых принимали на хранение награбленную у нас на Кубани добычу, во-вторых, когда на Кубани появился Муха-

мет-Амин, они вступили с ним в открытые сношения, 2 раза присягали ему на верность и, наконец, в текущем 1851 году посылали к нему через доверенных лиц письма, в которых просили о помощи для переселения на Лабу.... Оставаясь на прежних местах, они продолжали извещать Мухамет-Амина обо всём, что происходило у нас на Линии» (9, с.63).

О планах новоявленного вождя поднять на войну с Россией не только закубанские народы, но и карачаевцев, свидетельствовали его самоуверенные слова из письма Наместнику в Тифлисе ген. Нейгардту в 1844 г.: «Мы, обитатели гор, начиная от Карачая (верховья Кубани) до Анапы, настоящие черкесы, веруем в Коран и признаём над собой власть Абдул-Меджид-хана. Мы ему будем повиноваться и ему будем служить. Мы присягали ему... Мы, означенный народ, не признаём над собой власть Русского государя и никогда не будем признавать» (10, с.892).

Учитывая все эти обстоятельства, русские не могли уже сомневаться, что Мухамед-Амин, со своим хорошо вооружённым и многочисленным войском, предпримет наступление в верховья Кубани. «Начальник правого фланга пришёл к заключению, что Мухамет-Амин поспешит двинуться к бесленеевским аулам, вместе с ними возмутит закубанских кабардинцев и башилбаевцев, выселит их за Лабу или осуществит давнишнюю мысль проникнуть в Карачай» (9, с.63). И он не ошибся.

Мухамет-Амин с 2000 человек двинулся к бесленеевцам, но повернул назад, как только узнал, что русские приказали бесленеевцам выселиться с Тегеней. «Бесленеевские аулы, числом 18, без выстрела, выселены были почти к центру нашей передовой линии. Здесь, удалённые от влияния непокорных обществ и лишённые возможности безнаказанно укрывать у себя партии абреков, они могли скорее оценить блага, которыми пользовались находящиеся под покровительством России прикубанские общества и, как довольно культурное племя, примириться со своим новым положением» (9, с.66). Но и это переселение бесленеевцев не было последним.

В апреле 1851 имам закубанских адыгов Мухамет-Амин опять начал готовиться к походу, занял Псеменский лес в верховьях Лабы. На этот раз он делал ставку на помощь беглых кабардинцев, расселённых русскими властями на Баталпащинском участке. Они вели тайные переговоры с Мухаметом-Амином, прося его прибыть скорее. «Диктатор немедленно направил к их аулам, разбросанным по обоим Зеленчукам, 400 человек ... Жители всю ночь провели в сборах к выселению, предав огню свои пепелища» (9, с.68).

Начальник Баталпашинского участка полк. Васмунд с казачьим отрядом ждал, прикрывая Кубань, наблюдая за горцами, «готовыми к измене». 14 апреля Мухамет-Амин появился «за горизонтом». «Узнав о приближении неприятеля, полк. Вайсмунд с тохтамышевской милицией двинулся вслед уходящим, но достать не смогли. Бежал даже аул княгини Касаевой, в «преданности которой менее всего можно было сомневаться» (9, с.69). Так, первое расселение кабардинцев между Зеленчуками оказалось неудачным. Беглецы упросили имама поселить их у истоков Фарса и Псефира (территория современного Краснодарского края) (9, с.70).

Стремительное и успешное бегство воодушевило горцев на новые грабежи, и они даже стали уговаривать Мухамет-Амина в набег к верховьям Кубани: «Там, у верховий Кубани, пасутся многочисленные стада и табуны мирных погайцев, если ты поведёшь нас туда, мы вернёмся с богатой добычей» (9, с.71). Но наиб Шамиля готовился к серьёзному наступлению, поэтому сначала он хотел собрать под свои знамёна все адыгские племена, имамом над которыми был поставлен.

Через месяц, 13 мая, Мухамет-Амину так же стремительно удалось увести в верховья Урупа бесленеевцев, переправившись «на Лабинской линии между Зассовским укреплением (вблизи совр. г.Армавира. – З.К.) и подольским постом» (9, с. 71- 72). Российское командование решило вернуть беглецов и стало готовиться к выступлению на р. Белую, где сосредоточились главные силы Мухамета-Амина. «Собрав предварительно сведения о положении дорог, полк. Войццкий в ночь с 3 на 4 ноября выступил с небольшой колонной к условленному месту и без выстрела водворил на местах прежнего жительства аул узденя Али Хахандукова на Большом и аул княгини Касаевой на Малом Зеленчуках» (9, с.81). Так, только в 1851 г. Касаевский аул (совр. Хабез, КЧР. – З.К.) окончательно расположился на р. М.Зеленчук.

Касаевским он был назван по фамилии владельцев князей Касаевых. Первым возглавил это общество (аул – З.К.) известный ногайский князь Исмаил Касаев, который менял местоположение аула несколько раз. Так, в рапорте кн. Шаховского к барону Розену от 24 января 1835г. указано: «Засс при замирении некоторых из абреков (кабардинцев), встретив как покорного и преданного русскому правительству князя Исмаила Касаева, допустив его поселиться на левом берегу Кубани, ниже князя Джембулата Атажукина, также недавно замиренного, не взяв с них аманатов, ни другого какого-либо залога в верности, он предоставил им пользоваться такими же правами, кои присвоены истинно поко-

рённым народам». (10, с.448) Видимо, Касаев чем-то не угодил ген. Зассу, так как в том же году бежал на Уруп.

Там его застаёт другой российский офицер – Торнау и несколько раз упоминает Касаева в своих записках 1835г. Торнау был заинтересован помирить с российскими властями несколько лет скрывавшихся на Урупе беглых абазинских князей Лоовых. Но Торнау прибыл на Уруп как раз в то время, когда «Лоовы Аслан-Гирей, Эдыг, Маммат-Гирей, Сидов (Сид-ипа), кабардинский князь Исмаил Касаев уехали в Железноводск к начальнику кубанского контроля» (25., с.93). Получив прощение за свои преступления и покоровшись властям, Лоовы вернулись со своими аулами на р. Куму, так как были во враждебных отношениях с беглыми кабардинцами на р. Урупе, а Касаеву было решено расположиться со своим аулом на р. Уруп (25, С.96). В том же году Торнау сам видел на берегу Б. Тегеня дома, которые Исмаил Касаев начинал тогда строить для себя.

Таким образом, бежавший из Кабарды в 1821г. ногойский князь стал одним из первых, кто воспользовался покровительством российских властей и основал аул, в котором его подвластными были, в основном, беглые кабардинцы. Торнау имел возможность близко познакомиться с князем и, несомненно, знал, что писал: «Касаев, хромым, с лицом, выражавшим его монгольское происхождение, считался одним из первых молодцом, привыкшим бить с седла коз и оленей» (25, с.100). Исмаил Касаев проводил Торнау до Кубани и оставил его в ст. Баталпашинской. Оттуда российский офицер-разведчик поехал на Кавказские Минеральные воды, и «гостил в Тохтамыше у генерала Султан Азамат-Гирея, потомка крымских ханов, и на Куме у своего приятеля Лоова» (25, с.101).

Кстати, потомки ногойского князя Исмаила Касаева владели своим аулом до самой Октябрьской революции.

Надо отметить, что бесленевцы и беглые кабардинцы, в отличие от других адыгских племен, имели владетельных князей, что во многом и определило их дальнейшую судьбу. «Бесленей, на Б.Лабе и на Тегенях, около 8 000 жителей, ... и кабардинцы, поселённые на Урупе и на Тегенях, 4-5 тыс. душ», как указывал в 1835г. Торнау (25, с.106), в конце концов, были приведены своими князьями к покорности российской власти.

Но окончательное расселение адыгских племён связано с трагическими событиями конца Кавказской войны, связанными с массовым переселением в Турцию – мухаджирством в начале 60-х годов XIX в. Не желавшие селиться вблизи русских укреплений, адыгские племена частью переселились в Турцию,

частью уходили в горы (17, с.72). В 1861-1862 гг. в Закубанском крае было основано 35 станиц. Казаки заселили всё пространство между Лабой и Белой, с одной стороны, и Урупом и Ходзью – с другой. Большая часть горцев вынуждена была уйти за р.Белую, а остальные – в прикубанские степи (2, с.160). Расселялись они между казачьими станицами.

В начале 60-х годов были силой выведены на равнину ушедшие в горы бесленеевцы. «В описываемую эпоху это маленькое общество жило на более открытом месте, по р.Ходзь, куда оно переселилось будто бы из видов покорности, хотя на самом деле по-прежнему повторяло свои разбои. Но всё это сваливалось на соседних абадзехов» (19, с.347). Российское правительство не могло оставить непокорных, постоянно угрожавших спокойствию на Линии горцев в недоступных местах. Поэтому для окончательного присоединения Закубаня предусмотрено было переселение адыгов на Прикубанскую равнину или в Турцию. С этой целью войска командующего войсками Кубанской области Н.И. Евдокимова прошли вдоль среднего течения Лабы, Белой, Адагума, Урупа, Зеленчука, вынудив бжедухов, темиргоевцев, бесленеевцев, натухайцев и беглых кабардинцев присягнуть русскому царю (3, с.266).

«Первыми, кому пришлось покинуть в этом году свои родные места, были бесленеевцы, занимавшие долину р.Ходзь, где именно с 1861 г. началось возведение казачьих станиц. ... Им было предложено или перейти в указанные места или же отправляться в Турцию «в кратчайший срок». Бесленеевцы были «выведены силой на Кубань, откуда 600 семейств отправилось под конвоем в Турцию», а оставшиеся 200 семейств поселились на предписанных местах на левом берегу р.Кубани, образовав «первое ядро закубанских аулов». За бесленеевцами последовала очередь кубанских кабардинцев, проживавших за р.Лабой, темиргоевцев, абазин и др. (2, с.160).

Таким образом, в середине 19в. после многочисленных перемещений с места на место адыгские племена стали постепенно водворяться на постоянное местожительство вблизи казачьих укреплений и станиц. Большая часть бесленеевцев, оставшихся после мухаджирства, была поселена на территории Баталпашинского отдела и вместе с беглыми кабардинцами составила ту этническую группу, которая после революции официально стала называться «черкесами».

На Кавказской Линии между казачьими станицами были заселены на постоянное жительство также и абазинские аулы. Основную массу современного абазинского населения КЧР составляют абазины-тапанта. Образование их постоянных аулов также связано с военно-административной деятельностью российских властей на Северном Кавказе.

В начале 19в. абазинские князья, пытаясь скрыться от наказания за набеги и хищничества, а зачастую и в результате кровной мести или междоусобных распрей, уводили с р. Кумы в горы, за Кубань, на «турецкую территорию» подвластных им людей. Но с усилением российской власти, некоторые княжеские фамилии стали искать её покровительства. Так, после основания в 1825г. на месте Баталпашинского укрепления казачьей станицы и покорения Карачая в 1828г. вслед за ногайцами поселился около ст. Баталпашинской абазинский князь Динбек Лоов, согласившийся защищать со своим аулом русские границы» (6, с.171).

Аул князей Лоовых на Куме основан в 1825-1828гг. В конце 30-х - начале 40-х годов XIX в. произошло расселение кумских абазин. Один из князей Лоовых со своими людьми с разрешения генерала Граббе переселился с Кумы на правую сторону Кубани. В 1834 г. на левом берегу Кубани были поселены мирные абазинцы князя Дударукова. Торнау стал очевидцем возвращения одного из абазинских обществ на Куму в 1835г.: «На верховье Зеленчука, недалеко от Башилбая, скрывались абазинские князья Лоовы, жившие прежде на линии в своём собственном ауле, лежавшем на берегу Кумы... Они бежали в горы с довольно большим числом преданных узденей и более 4 уже лет тревожили нашу границу своими частыми и весьма удачными набегами» (25, с.63). К приезду Торнау они получили прощение и вернулись на р. Куму.

В конце Кавказской войны часть лоовцев выселилась в Турцию, а оставшиеся образовали современные селения Инджигчукун и Кубина. Оставшиеся у верховий р. Кумы образовали селения Красно-Восточное и Койдан (8, с.46). В единую административную единицу с карачаевцами абазинцы были включены в 1848г., когда к существующему на территории современной КЧР приставству карачаевского народа были присоединены абазинские аулы на р.Куме (11, с.39-40). Сведения за 1856-1857 гг. показывают, что в эти годы в пределах Кавказской кордонной линии на Кубани расположилось 7 аулов абазин-тапанта (8, с.47).

Южная граница Баталпашинского отдела по Главному Кавказскому хребту от Эльбруса до Лабы служила естественным барьером для проникновения абхазцев и абазин-шкарауа, обитавших по верховьям рр. Ходзь и Губс, притоков Лабы, на юго-восток до самого Чёрного моря. В 1828г., когда бесленеевские князья приняли подданство России, абазинцы-шкарауа отложились от них и предпринимали разбойные набеги на Линию. (4, сс.138, 186; 22, с.237). В 30-е годы XIX в. «абазинские горные селения Башилбай, Там, Кызылбек, Шегирей, Баг и Баракай занимали полукругом, против самого Прочного Окопа (возле

совр. г.Армавир), тесные ущелья и высоты лесных отрогов главного хребта, между Урупом и Сагуашею (р. Белая)» (25, с.110).

Абазины–шкарауа не имели собственных влиятельных князей, которых русские власти могли бы принудить или уговорить соблюдать законы и жить в мире. Поэтому их судьба сложилась так же трагически, как и у других закубанских племён, так называемого «республиканского» устройства, в отличие от «аристократического» у тех народов, которые подчинялись своим владетельным князьям.

Зимовники (временные жилища, коши – З.К.) абазин-шкарауа находились у подошвы гор, в окрестностях укрепления Каладжа по среднему течению Лабь, их сборища происходили на р.Ходзь (4, сс.138, 186). Для нападения на казачьи посты и станицы, для грабежей скота на ногайских и карачаевских пастбищах абазины-шкарауа собирались у г. Ахмет-Кая, на Большой Лабе. Для предотвращения проникновения враждебных группировок на речке Псемен был поставлен казачий караул. В настоящее время это самый западный населённый пункт КЧР.

В 1861-1863 гг. основная часть абазин-шкарауа, живших в высокогорных селениях за пределами современной территории КЧР, переселилась в Турцию. Оставшиеся были поселены в аулах адыгов и абазин-тапанта в долинах Зеленчуков, а некоторая их часть в аулах на территории современной Адыгеи (8, с.48). Такое смешанное расселение абазин привело к тому, что в начале 20в. они оказались на грани ассимиляции. На сегодняшний день компактное абазинское население сохранилось только в КЧР.

Таким образом, почти полумиллионное закубанское население к концу Кавказской войны оказалось разделённым не только между Россией и Турцией, но и внутри Кубанской области расселилось в разных административных единицах.

Надо сказать, что достоверных источников численности горцев данного периода, естественно, нет. Ещё в 30-х годах XIX в. офицер Торнау, лучше других осведомлённый о состоянии закубанских народов, писал: «... в моё время нам не удавалось ещё нигде пересчитать горцев точным образом. Все цифры того времени, которыми означали кавказское население, брались приблизительно, можно сказать на глаз. По понятиям горцев, считать людей было не только совершенно бесполезно, но даже грешно; почему они, где можно было, сопротивлялись народной переписи или обманывали, не имея возможности сопротивляться» (25, с.51). Приблизительный подсчёт закубанцев стал возмож-

ным только в середине 19в., когда российская власть распространилась практически на все горские общества.

Так, по обобщенным данным, в 1853-1855гг. закубанского горского населения насчитывалось 400 тыс. человек: абадзехи, жившие по северному склону главного хребта между Лабой и Афипсом, доходили до 100 тыс.; шапсуги, к западу от них, по обоим сторонам главного хребта – 120 тыс.; натухайцы, между Адагумом, Кубанью и Чёрным морем – 30 тыс.; убыхи, к северу от Сухумского района – 25 тыс.; махашевцы, бесленеевцы, баракаевцы по среднему течению Лабы, баговцы, шахгиреевцы, тамовцы, кизилбековцы в верховьях Б. и М. Лабы, ногойцы по течению Урупа и беглые кабардинцы по обоим Зеленчукам – составляли в общем 120-150 тысяч человек (12, с.257).

Из этих народов на территорию современной Карачаево-Черкесии были переселены аулы ногойцев, а также бесленеевцы и беглые кабардинцы, которые были расселены по левобережью Кубани и её притокам Зеленчукам.

В 1861 г. карачаевское приставство вместе с присоединённым к нему тох-тамышевским (ногойским) были переименованы в Верхне-Кубанское (11, с.с.39-40). К этому времени на территории современной КЧР были основаны казачьи станицы Хопёрского полкового округа: на Кубани – Баталпашинская (1825г.), Усть-Джегутинская (1861г.), Красногорская (1861г.), на Б.Зеленчуке – Сторожевая (1858г.), Исправная (1858г.), Зеленчукская (1859г.), на М.Зеленчуке – Кардоникская (1859г.), на Урупе – Преградная (1860 г.) (13, с.96).

Станицы плотным кольцом охватывали новые аулы горцев и преграждали им путь к отрогам Главного Кавказского хребта. Русская администрация предпочитала держать новых подданных под постоянным надзором, так как «предшествующие многочисленные опыты давали право думать, что если черкесов оставить по-прежнему в горах, то они по-прежнему же будут грабить мирных жителей и враждовать с Россией, а потому им было предложено выселиться на плодородную Кубанскую плоскость, а в противном случае удалиться в Турцию» (17, с.77). Большая часть адыгского населения предпочла переселение в Турцию, но некоторая часть осталась и покорилась российским властям.

Таким образом, после окончательного покорения Северо-Западного Кавказа и образования Линии из казачьих станиц на территории современной КЧР стали обосновываться аулы тех адыгских и абазинских князей, которые предпочли российское подданство переселению в Турцию. Сразу после окончания Кавказской войны в регионе российская администрация приступила к созданию «эффективной системы управления вновь присоединёнными территориями, которая потребовала массового перемещения местного населения в равнинные

районы Прикубанья, а также укрупнения вновь создаваемых аулов». (18, с.84). Действительно, как только было «закончено переселение черкесских и абазинских аулов с гор на плоскость и выселение части горских народов в Турцию» (11, с. 41), российские власти приступили к административным и земельным реформам в Кубанской области.

Прежде всего, после образования постоянных населённых пунктов многочисленного казачьего и горского населения, была заменена система приставства на гражданские формы управления. «Быстро возрастающее число выходцев из гор и известия о стремлении горцев вообще к выселению на плоскость, привели к убеждению, что существовавшие военно-народные управления, имевшие характер исключительно политический, недостаточны, и что необходимо заменить их более обширными управлениями,... которые вели бы к развитию между туземцами гражданственности» (14).

В 1866 году было утверждено «Положение об управлении горцами Кубанской области» и проведены административные и судебные преобразования. Началась подготовка крестьянской и земельной реформы среди горцев. Для этого тщательно были обследованы все земли и земельные отношения горцев.

Земли выше казачьих станиц, обследованные российскими чиновниками, были признаны малопригодными для заселения. Изучив местность от Теберды и Лабы для выявления мест, годных для поселений, эксплуатации и проведения железной дороги для вывоза леса, они констатировали: «Долины же Аксаута (карач.: «белая кольчуга» - З.К.) и Марухи (от карач.: Морх: «древиний» - З.К.) надобно признать почти негодными, так как небольшие участки, разбросанные в разных местах по берегу рек между лесами и составляющие вместе весьма небольшое пространство, едва ли заслуживает того, чтобы их принимать в расчёт, как места, годные для поселений» (16, с.4).

Исследованы были впервые и верховья Б. Зеленчука, где сохранились развалины средневековых построек предков карачаевцев. Они оставили эти места в период усиления Крымского ханства. «По преданиям туземцев, в долине р. Иркыза (карач.: «селевый след» - З.К.), или лучше сказать - в котловине, куда сливаются верховья Зеленчука, жили когда-то карачаевцы, принужденные оставить это место вследствие притеснений кызылбековцев, живших по ту сторону главного хребта» (16, с.14). Несмотря на то, что здесь когда-то карачаевское «поселение было значительное», долины Зеленчуков были оставлены людьми и, скорее всего, из-за эпидемий чумы, часто заносимой сюда с побережья Чёрного моря.

Российский офицер Торнау, предпринявший уникальный переход с проводниками из Абхазии через перевал Къысхыч (карач.: «гесинна» - З.К.) в долины Зеленчука в 1835г. с полной уверенностью писал: «Из Абхазии до верховья Урупа я шёл по местам, совершенно незаселённым, наполненным на нашей карте множеством несуществующих народов, которые мне пришлось стереть. Ошибки происходили оттого, что карты местностей, куда не проникали ещё ни путешественники, ни войска, пополнялись через расспросы людей, дурно говоривших по-русски, и которых языка мы совершенно не знали» (25, с.102).

Абазины - новые поселенцы между Б. и М. Зеленчуком, появившиеся здесь в середине 19в., свидетельствовали, что эти места долгое время были безлюдными. «Старики между туземцами говорят, что старые люди во время их молодости рассказывали, что не помнят, чтобы на Иркызе (Архызе – З.К.) было поселение, а только слышали, как предание, что тут жили карачаевцы, переселившиеся из соседней долины, Загедана» (16, с.14).

Что касается долины между Урупом и Кыфаром, исследователи пишут: «Когда именно были здесь поселения, от которых остались посева ржи, и кто были поселенцы – наверно ничего неизвестно; как предание, передают, что когда-то в этих местах жили карачаевцы, занимавшие и соседнюю с Загеданом долину Иркыза» (16, с.14).

Русские не застали постоянных поселений между Главным Кавказским и Скалистым хребтами, в среднем течении Зеленчуков, Урупа и Лабы. Карачаевцы использовали эти речные долины только для выпаса своих многочисленных отар, их постоянные аулы были расположены в неприступных ущельях, а коши (пастушеские жилища) были разбросаны в ущельях далеко за пределами Кубанского и Тебердинского ущелий. Только во второй половине XIX в. всё пространство между рр. Б. Зеленчуком и Б. Лабой уже было занято скотом не только карачаевцев, но и беглых кабардинцев, абазинцев и ногайцев (24, с.38). Однако, как отмечал исследователь Ваганов: «Карачаевцы – единственный народ – горец, не покидающий своих летних кормильцев, гор, даже и зимою. Все же остальные являются на всём хребте так называемого Кубанского Кавказа лишь гостями в течение летних пастбищ» (24, с.50).

Таким образом, только с образованием казачьих станиц и установления российской власти на территории современной КЧР стало возможным расселение здесь адыгских и абазинских аулов. Очевидно, что формирование этих поселений шло, исходя из обеспечения безопасности новых территорий России и предотвращения мятежей, набегов и вражды между народами.

В начале XX в. власти Кубанской области, в составе которой был Баталпашинский отдел, констатировали вполне уверенно: «В области хотя и остались прежние хозяева этих мест – горцы, всё ещё, в силу своей религии, имеющие тяготение к мусульманскому миру, но, тем не менее, серьёзной опасности русскому делу они не представляют, как вследствие своей малочисленности, так и расселения между казачьими станицами» (17, с.70).

Приставства Кубанской области были преобразованы в уезды Баталпашинский, Псекупский, Екатеринодарский, Ейский, Темрюкский и введено гражданское правление. В 1871 г. Эльбрусский, Зеленчукский и Урупский округа вошли в состав Баталпашинского уезда с административным центром того же наименования (11, с.46). В результате последней реформы в пределах уезда оказались представители различных национальностей: русские, карачаевцы, Nogai, абазинцы, адыги и др. «Баталпашинский уезд сделался самым многонациональным в Кубанской области» (8, с.365).

Новые аулы были названы в основном по фамилиям князей. Так на территории современной КЧР, бывшего Баталпашинского отдела, появились постоянные поселения Nogai: аулы Ураковский, Тохтамышевский, Мансуровский, Балтинский и посёлок Шабазовский; бесленеевцев: Докшуковский, Тазартуковский, посёлок Береслановский; абазинцев: Бибердовский, Дударуковский, Кувинский, Лоовско-Кубанский, Шахгиреевский; кабардинцев: Атлескеровский, Касаевский, Хахандуковский, Хумаринский, посёлок Боташевский; со смешанным населением: Карамурзинский, Кумско-Лоовский, Кургоковский, Лоовско-Зеленчукский, Урупский, Эрсаконский (17, с.с. 77-78).

Во второй половине XIX в. на территории современной Карачаево-Черкесии были расселены также евреи, выходцы из Дагестана (пос. Еврейско-Джеганасский); немцы (селения. Александродар, Великокняжеское, Рождественское); эстонцы (с.Хусы-Кардоникское и посёлок Марухо-Эстонский); греки (с. Хасаут-Греческое); осетины (сел.Георгиевско-Осетинское) (17, с. 79-80).

После проведения крестьянской и земельной реформ, новые аулы образовали и карачаевцы. К древним аулам Карт-Джурт, Хурзук, Учкулан, Дауг и Джазлык прибавились Ташкёпюр (Каменноостровский), Тебердинский, Сынты, Мара, Джегутинский (17, с.78). Эти селения были основаны по ходатайству начальника Эльбурского округа Н.Г. Петрусевича на отобранных в казну частных владениях карачаевских князей Крымшамхаловых.

В 1888 г. гражданское управление и органы власти были заменены военно-казачьими. Одним из семи отделов Кубанской области стал Баталпашинский отдел (11, с.54). Постепенно экономическая жизнь горцев стала сосредото-

ваться в ст. Баталпашинской, где ещё с первой половины 19 в.: функционировал меновый двор. О его открытии перед царскими властями ещё в 1822 году ходатайствовал мудрый ногайский мурза Эдиге Мансуров (8, с.366). А к концу 19в. станица Баталпашинская стала торговым и культурным центром самого многонационального отдела Кубанской области.

Таким образом, строительство крепостей и укреплений в стратегически важных пунктах в период Кавказской войны способствовало расселению казачьего населения на закубанских землях. Вместе с тем, только в непосредственной близости от выросших на месте некоторых укреплений станиц российские власти способствовали образованию постоянных, закреплённых на определённой территории ногайских, адыгских и абазинских аулов. Очевидно, что миграционные процессы в середине XIX в. привели к увеличению численности и усложнению этнического состава населения на территории современной Карачаево-Черкесии.

Примечания:

1. Акты собранные Кавказской Археографической Комиссией (АКАК). Т.2. Тифлис, 1868.
2. Земля адыгов. - Майкоп, 1996.
3. Очерки истории Кубани с древнейших времён по 1920 г. (Под общ. ред. В.Н.Ратушняка). - Краснодар, 1996.
4. Томкпев В. Кавказская линия под управлением генерала Эмануеля (продолжение) // Кавказский сборник. Т.19. – Тифлис, 1898. – С.120-221.
5. ЦГВИА. Ф.ВУА. Д. 6231. ЛЛ. 123-124.
6. Ковалевский П.И. Кавказ. Т.2. История завоевания Кавказа. - СПб, 1915.
7. Территория и расселение кабардинцев и балкарцев в XVIII - начале XX веков. - Нальчик, 1992.
8. Народы Карачаево-Черкесии: история и культура. - Черкесск, 1998.
9. К. Обзор событий на Кавказе в 1851г.// Кавказский сборник. Т.19. - Тифлис, 1898.- С.16-119.
10. АКАК. Т.9. – Тифлис, 1884.
11. Невская В.П. Карачай в пореформенный период. - Ставрополь, 1964.
12. Рукевич М. Адагумский отряд// Кавказский сборник. Т.17. – Тифлис, 1896. – С.256-322.
13. Толстов В. История Хопёрского полка Кубанского казачьего войска (1696-1896гг.). – Тифлис, 1901.
14. ГАКК. Ф.774. Оп.2. Ед.хр.466. Л.53-112.

15. Вельяминов. Способ ускорить покорение горцев// Кавказский сборник. Т.7. Тифлис, 1883. - С. 67-77.
16. Извлечение из отчёта об осмотре казённых свободных земель нагорной полосы между р. Тебердой и Лабой // ССКГ. Вып.4. - Тифлис, 1870.- С.3 – 28.
17. Обзор Кубанской области. - Ростов-на-Дону, 1911.
18. Ктиторова О.В. Формирование социально-бытовой инфраструктуры в аулах абазин (вторая половина XIX – начало XX в.) // ВСКИ. Вып.6 Часть 1.-Армавир, 2001. – С.83-89.
19. Солтан В. Военные действия в Кубанской области с 1861г. по 1864г.// Кавказский сборник. Т.5. – Тифлис, 1880. – С.345-413.
20. Виноградов В.Б. Средняя Кубань: земляки и соседи. Армавир, 1995.
21. Потто В.А. Кавказская война. Т.5. Ставрополь, 1994.
22. Клапрот Генрих-Юлиус. Путешествие по Кавказу и Грузии, предпринятое в 1807-1808 гг.// АБКВИЕА. – Нальчик, 1974. – С.235 – 280.
23. Потоцкий Ян. Путешествие в астраханские и кавказские степи// АБКВИЕА, - Нальчик, 1974. – С.225 – 234.
24. Ваганов С.В. Значение охранно-карантинной линии по границе Кубанской области с Закавказьем// ИОЛИКО.- Вып.1.- Екатеринодар, 1899.- С.21-50.
25. Торнау Ф.Ф. Воспоминания кавказского офицера. Черкесск, 1994.
26. Фелицын Е. Материалы для истории Северного Кавказа 1787-1792 гг. // КС. Т.18.- Тифлис, 1902. – С. 385–390.
27. Социально-экономическое, политическое и культурное развитие народов Карачаево-Черкесии: Сборник документов. – Ростов-на-Дону, 1985.

ЛР № 47-34 от 22.11.99 г.

Подписано в печать 16.01.2002 г. Формат бумаги 60х84/16. Бумага газетная. Печать офсетная. Усл. п. л. 2,0. Уч. изд. л. 2,25. Заказ № 182-п. Тираж 1000.

Государственное унитарное предприятие «Армавирское полиграфпредприятие» департамента по делам средств массовой информации, печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций администрации Краснодарского края. 352900 Россия, г. Армавир, ул. Комсомольская, 123.